

ГЛАВА 11

Уважаемые партнеры!

Извещаем вас, что в связи с условиями Дополнительного Соглашения от 01.12.2002 года к Договору купли-продажи от 01.09.2002 года для выполнения взятого вами на себя объема продаж в 1600000 рублей (один миллион шестьсот тысяч рублей 00 копеек), вам необходимо внести в кассу ООО «Люксхим» до 31.12.2003 года денежные средства в размере 256037руб. 48коп. (двести пятьдесят шесть тысяч тридцать семь рублей 48 копеек).

С уважением, директор ООО «Люксхим»

Я прочитал полученный факс несколько раз. «Бред какой-то! Быть того не может! Да нет, не могут они так!», - закрутились в моей голове вихрем мысли, усиленно гонимые прочь здравым смыслом. Я все понял сразу. Но не хотел верить.

- Это же дебилизм какой-то! – устался я на сидящего рядом на диване отца. – Они что, идиоты!? Зачем такое нам присылать!?

- Мда, - выдал отец и устался сквозь очки на протянутый ему лист.

- Не, я понимаю, что они не хотят нам выплачивать эти пять процентов с оборота! – развел я руками. – Но я этого не понимаю!

Отец подогнул одну ногу под другую и принялся чесать рукой кончик носа.

С извещением было все ясно – нам не хотели выплачивать причитающийся бонус и потому прислали такое. Естественно, мы не могли найти обозначенную сумму – у нас ее попросту не было. Я завелся, обозвал обоих владельцев «Люксхима» суками и козлами и ушел на кухню за чаем. Мы весь год тянулись, чтобы продать нужный объем товара, при этом лишились нескольких товарных позиций, снятых с производства, и все равно, почти смогли выполнить взятые на себя обязательства. И получили такое.

Через пару минут я вернулся с кружкой чая и почти спокойный. Устроив с отцом «военный совет в Филях», мы решили, что надо готовить ответный документ.

Через день он был готов. В письме мы сообщали – считаем снятие с производства после подписания Дополнительного Соглашения нескольких позиций форс-мажорными обстоятельствами, которые помешали нам выполнить взятые на себя обязательства, и выплату нам премиальных считаем справедливой.

Отправив бумагу по факсу, мы уехали работать. Таская коробки на складе, я вдруг понял, что оба мы – отец и я – настроены решить вопрос в свою пользу. Вплоть до отказа от работы с «Люксхимом». В тот момент отец меня приятно удивил, сказав, что намерен получить премию любым способом – товар «Люксхима» был у нас на складе, и мы могли забрать его на причитающуюся нам сумму. Отец сказал, что намерен так поступить, если понадобится. И в его словах я почувствовал твердость.

До конца недели мы отработали в обычном режиме. Ожидаемый звонок случился в понедельник утром 8 декабря на домашний телефон. Отец снял трубку. В метре от него я оперся о стену и весь обратился в слух. Диалог с Асланбеком вышел по существу – отец сказал, что мы не выполнили обязательства по объективным причинам, в ответ услышал, что премию нам выплатить все равно не смогут. Голос в трубке – слов я разобрать не мог – говорил что-то еще долго и пространно. Я разглядывал рисунок ковра на полу. Едва в трубке затихло, отец ответил – дал понять, что раз премии нам не видать, то, наверно, сотрудничество лучше прекратить. И посмотрел на меня. Я поднял большой палец руки

вверх. Мне стало совершенно наплевать на то, что мы можем лишиться самого важного поставщика. Мы вложили много времени и сил в его товар, но всему есть предел. Нельзя позволять никому, чтоб об вас вытирали ноги. Я был готов к разрыву. «Пошли они нахер, найдем нового поставщика, этих производителей развелось как грязи, выкрутимся, лучше слупим с них причитающееся и быстро найдем другой товар», - решил я для себя твердо.

И настрой на том конце трубки изменился – владелец «Люксхима» спросил, какую сумму мы сможем перечислить до конца года, услышал от отца цифру – сто-сто пятьдесят тысяч, попросил постараться перечислить по-максимуму и распрощался. В прямую он не пообещал выплатить после такого причитающегося нам, но, поняли мы его так.

К середине декабря стало ясно – торговый центр не откроется перед Новым годом. Разговор в кабинете у застройщика вышел почти на повышенных тонах, нас заверили, что центр точно откроется к апрелю. Мы не поверили. Хотя убытков нам от задержки не было никаких, но я уже был не рад, что ввязались в такое сомнительное дело.

К концу третьей недели декабря мы перечислили «Люксхиму» сто пятьдесят тысяч.

Уважаемые партнеры!

Извещаем вас, что в связи с условиями Дополнительного Соглашения от 01.12.2002 года к Договору купли-продажи от 01. 09. 2002 года для выполнения взятого вами на себя объема продаж в 1600000 рублей (один миллион шестьсот тысяч рублей 00 копеек), вам необходимо внести дополнительно в кассу ООО «Люксхим» до 31.12.2003 года денежные средства в размере 106037руб. 48коп. (сто шесть тысяч тридцать семь рублей 48 копеек).

С уважением, директор ООО «Люксхим»

- Они там вообще ахерели что ли!? – вытаращился я на отца в понедельник, едва осознал содержание факса. Документ, ожидаемо, прислала секретарша, сказав, что обоих директоров нет на месте. Меня затрясло. Такое отношение переходило уже все границы.

В 9:00 следующего утра я стоял как штык подле отца и телефонного аппарата. Разговор вышел дипломатичным, но жестким. Отец с ходу напомнил Асланбеку его слова о том, что после нашей максимальной доплаты премию свою мы получим. Тот парировал – сказал, что ничего не обещал и договор по всей сумме надо выполнить. Отец сказал, что менять сказанное не хорошо, слово свое надо держать. В ответ был обвинен в хамстве. Я удивился, отец вел разговор столь деликатно, насколько я бы не смог и давно перешел бы на эмоции. Следом отец спарировал и фразу про возраст, сказав, что лет ему не меньше, и уважение должно быть взаимное. Выслушав новую тираду, наконец, произнес, что, по-видимому, согласия не случится и потому у него деловое предложение – причитающееся нам мы забираем товаром и заканчиваем сотрудничество, ищите других дураков. В ответ директор «Люксхима» сказал, что ему надо посоветоваться с компаньоном.

Через два дня мы получили факс:

Уважаемые партнеры!

Согласно Дополнительного Соглашения от 01.12.2002 года к Договору купли-продажи от 01.09.2002 года за выполнение объема продаж за 2003 год продукции ООО «Люксхим» в отпускных ценах на сумму 1493962 руб. 52 коп. (один миллион

четыреста девяносто три тысячи девятьсот шестьдесят два рубля пятьдесят две копейки), ООО «Люксхим» премирует вас в сумме равной 5 (пяти) % от выше указанной суммы, а именно 74698 руб. 13 коп. (семьдесят четыре тысячи шестьсот девяносто восемь рублей тринадцать копеек).

С уважением, директор ООО «Люксхим»

Это была победа! Маленькая, но очень важная победа! Дело было не в деньгах. Мы отстояли главное – себя! Я едва не прыгал от радости. До Нового года оставалось три дня, мои эмоции смешались с общим праздничным настроем. Наши клиенты отложили заказы на будущий год, в работе наступила пауза, и дни вдруг оказались свободными. Захотелось запечатлеть праздник покупкой, и я принялся ходить по магазинам. Так уж вышло, что в нашей семье традиция дарить на Новый год подарки растворилась во времени. С каждым годом родители все сильнее отдалялись друг от друга, двигаясь к официальному разрыву. Я был вынужденным свидетелем, на котором процесс отчуждения родителей сказывался болезненно. Ища поддержки, каждый пытался переманить меня на свою сторону. Иногда косвенно отец, нет-нет, да и обвинял меня в потакании матери. Мать же в свойственной ей грубой форме регулярно швыряла мне в лицо обидные реплики, дескать, я «весь уродился в своего занудного и правильного папашу» и «лебезю и шестерю перед ним потому, что сам ни на что не гожусь и не могу себе заработать денег». Если уж совсем просто сказать – плевки летели с обеих сторон. Я чувствовал себя отвратительно и, пытаюсь понять, где и что я делаю не так, разрывался на части все сильнее. Родители, отчуждаясь между собою, рвали меня пополам. Часть меня любила их. Вторая половина ненавидела. Часть любила мать просто за то, что она есть, а другая ненавидела за то, что та говорит и делает гадости. Часть любила отца за то, что он продолжал быть в семье, несмотря на трудности, другая ненавидела его за чрезмерное себялюбие, нетерпимость к слабостям других и абсолютную пустынную сухость в чувствах. Когда эти мысли накатывали, становилось трудно дышать. Хотелось свежего глотка, такого, как полученная под Новый год премия. Маленький, но так нужный глоток свежего воздуха в затхлом тесном пространстве мелкого бизнеса. Да и сами наши дела вроде как обрели стабильность. Было ощущение, будто несколько лет мы шли в болотной трясине по грудь, тяжело и аккуратно переставляя ноги в густой жиже, не чувствуя под ними хоть какую-то твердь. И вдруг нащупали под ногами узкую твердую полоску. Ступили на нее, перевели дух, понимая, что дальше идти надо выверено, не соскользнуть, не упустить шанс, который дала жизнь в награду за несколько лет мытарств.

Задрав голову вверх, я стоял в центре города и смотрел на медленно рождающиеся в ночном небе снежинки. Погода стояла шикарная – тихо, минус пять, падал мягкий снег – идеальный зимний вечер. Мимо меня в праздничной суете нескончаемо сновали люди. Я побрел и влился в людской поток. Через полчаса в витрине торгового центра я заметил мобильный телефон. Мне он сразу понравился. Я взял его в руки. Тяжелый и компактный, «раскладушка». Я раскрыл и закрыл его, дисплей смачно хлопнул и прилип к клавиатуре. Серебристый цвет. Антенна. Я выдвинул ее и задвинул. На нарочито толстой центральной оси «раскладушки» сидел вращающийся глаз фотокамеры. Красивый мужской телефон, я смотрел на него с восхищением. «Десять тысяч, дороговато, но очень хочется, спрошу у отца деньги, должен дать», - побежали в голове праздничные мысли. Я вернулся домой, и отец в тот же вечер без лишних слов выдал мне деньги. На следующий день, 30 декабря, я

сделал себе подарок и отметил покупку в «Чистом небе». Вечер удался. Предновогодний день я просидел дома с раскалывающейся головой и мучимый постоянной жаждой. К вечеру мать приготовила праздничные блюда, мы с отцом закупили десертов и фруктов. Ближе к полуночи я объелся и за полчаса до наступления нового 2004 года уснул.

Мы с Вовкой так активно посещали в праздники «Чистое небо», что к Рождеству деньги у него кончились, а мне стало стыдно тянуть их из общей кассы. Оставшиеся два выходных дня я провел дома за компьютерными играми, обдумывая интересную мысль. Крутилась она в голове с лета, но созрела лишь в январе. В бартерной схеме участвовали только товары местных оптовиков. Но на рынке работали еще и прямые дистрибьюторы крупных международных компаний. Политика прямых продаж – единственный критерий, который они исповедовали. Бартера таких товаров не существовало в принципе. И они же были самыми востребованными на рынке бытовой химии. На них делался основной оборот. Но, из-за выверенной политики цен международных компаний, маржа оптовиков на их товарах была минимальной. Даже если бы какой-то ушлый оптовик и решился пустить в бартер такой товар, то ничего бы не заработал – скидки на обратном товаре съели бы всю прибыль. Поэтому никто не «менялся» на товары прямой дистрибуции. Получить такой высоколиквидный товар в бартер казалось невозможным.

И тут меня осенило!

«Пересвет»! «Как же я раньше о нем не подумал, вот балда, а ведь мысль дельная!» - завертелось в моей голове. Являясь, по сути, продуктовой базой, «Пересвет» попутным товарам придавал мало значения. И исключительность товаров прямой дистрибуции там отсутствовала. И на этой особенности я решил сыграть. Озвучил мысль отцу. Подумав, он выдал свое «мда, мысль интересная» и одобрил.

Мы заехали в «Пересвет» сразу после праздников. Отец припарковал «газель» и полез за сигаретой.

- Здесь посидишь или со мной пойдешь? – уточнил я, берясь за ручку двери.

- Да здесь посижу, чего мне там делать? – сигарета в руке отца замерла на полпути ко рту. – Пообщаешься со своим другом...

- Да уж, - вздохнул я и мотнул головой. – Директор тут – это дааа...

Отец беззвучно засмеялся. Я оставил его в уютной натопленной кабине и пошел в офис. На территории базы было два главных здания: одноэтажный складской комплекс с торговым залом внутри и офис в три этажа с примыкавшим к нему двухэтажным складом. Второй этаж примыкавшего склада был отведен под бытовую химию, первый занимало пиво. Директор «Пересвета» – поджарый среднего роста брюнет с аккуратным пробором слева, цепкими злыми глазками, хищно приподнятыми плечами в сочетании с чуть впалой грудью и походкой с растопыренными руками характер имел под стать внешности. Признавая лишь выгоду, на прочие измышления и доводы, а тем более на сантименты он не реагировал. Поэтому общаться и договариваться с ним было почти невозможно.

Я вошел в коридор и очутился напротив распахнутой двери кабинета директора. «Главное – не ссы, удачный момент, он один», - настроил я себя мысленно и постучал в дверной косяк. Директор «Пересвета», как и любой прирожденный хищник, чувствовал кто перед ним – жертва или тоже хищник. Первых он сжирал морально сразу. Вторых уважал, но быстро определял «калибр собрата». Если крупнее – вел себя аккуратно, слабее – мог «куснуть» для порядка, но если получал ответ, то оставался «на своей территории».

Мне он виделся шакалом. В нем ощущалась трусоватость, маскируемая рефлекторной наглостью и агрессией.

- Дээээ... - раздался голос изнутри кабинета.

Я поздоровался как можно бодрее и увереннее. Директор сидел за столом и глядел в монитор, перестал шевелить рукой мышку и нехотя бросил в ответ «Здрасьте».

- У меня к вам есть деловое предложение! – продолжил я тем же тоном.

- Предложение? – директор оторвал взгляд от монитора, глянул в мою сторону и тут же уставился обратно. – Что за предложение? Давайте!

- Мы же вам товар поставляем на реализацию... Получаем за него деньги...

- Дэээ... - среагировал директор, не отрываясь от монитора.

- Я предлагаю вместо денег за проданное брать у вас товар! – выдал я.

Осознав смысл услышанного, директор забыл про компьютер, сел на стуле ровно и вперился в меня взглядом. Я буквально видел, как алгоритм мозга проверял предложение на наличие выгоды. Мгновение – и глаза директора засветились интересом.

- А какой товар вы хотите брать? – изрек он.

Я назвал. Товар, который оптовики бытовой химии мечтали и пытались получить в обход официальных дистрибьюторов, теперь пытался получить и я. Мозг директора снова заработал, ища подвох и мою выгоду. «Не нашел», - понял я и улыбнулся внимательному взгляду директора.

- Да нет проблем, берите, - развел руками тот.

- Есть! – радостно впрыгнул я в кабину «газели». – Он согласился на бартер!

- О, как! – отец оторвался от сигареты, глянул на меня, снова глубоко затянулся, выдохнул сизый дым в окно, пульнул туда же бычок. – Мда! Это хорошо.

- Да какой – хорошо!? – удивился я, едва ли не подпрыгивая на сиденье от радости. – Ты че!? Это офигенно круто! Мы без денег получим такой товар по отличной цене. Мы сейчас его покупаем дороже! А теперь сможем пихать в «Пересвет» еще больше всего, а обратно забирать отличный товар! И главное, никакой привязки к объемам, бери столько, сколько надо, а цена всегда будет самая низкая! Супер!

- Остатки взял? – сказал отец.

- Да, вот! – сунул ему я два листа и закурил.

Отец надел очки и погрузился в изучение бумаг. Распирающая меня эйфория снова вырвалась наружу, и я затарахтел о том, как удачно все вышло и расчет оказался верным. Отец оторвался на секунду от бумаг, глянул на меня озадаченным взглядом. Я продолжал – радовался, что скидку нам дали больше, чем мы рассчитывали и вообще выбили себе без денег отличный товар!

Выговорившись и умолкнув, я глянул на отца, тот всем вниманием ушел в бумаги. Моя эйфория испарилась. Я обмяк и докуривал сигарету уже машинально, рассеяно бродя взглядом по зимнему пейзажу за стеклом.

- Ну что, поехали? – прозвучал через пару минут голос отца.

- Да, - сказал я, выкинул бычок наружу и прикрыл окно. – Поехали.

- Куда мы сейчас? – смотрел на меня отец, сидя прямо и держась одной рукой за руль, а другой за рычаг передач. В его позе сквозила военная выправка. В моей голове за долю секунды нарисовался и тут же исчез образ эдакого оловянного солдатика, готового ехать всегда и всюду, лишь бы ему говорили куда.

- В «Арбалет», - сказал я машинально, отвернувшись к окну, добавил. – Мыло там заберем и Сене в «Меркурий» отвезем.

- И все?

Я кивнул не поворачиваясь.

- Ответь что-нибудь! Что молчишь!?! – раздраженно добавил отец.

- Да и все! – я повернулся, посмотрел на него. – Я ж кивнул, что «и все».

- Мало ли, что ты кивнул! – отец смотрел на меня, играя желваками. – Что, сказать «да» уже в тягость!?! Я же не знаю, что ты там напланировал на сегодня!

- Почему это я напланировал!?! – начал закипать и я. – А ты что, в планировании не участвуешь что ли!?! Не знаешь, куда мы и зачем едем!?!

Пауза. Отец молчал, вперившись в меня взглядом и сцепив зубы.

- Ты не умничай, давай! – процедил он и хлопнул руками по рулю. – Я кручу, вот, баранку! А все эти планирования маршрута, это твоя обязанность, я не собираюсь еще и это запоминать!

- Нормально так ты устроился крутить баранку и все! – ответил в пику я, понимая, что запахло очередной ссорой. Последнее время они учащались. Но мне было все равно. Я хотел поругаться. Во мне все кипело, и я добавил: «Я, значит, и созванивайся со всеми, и заказы делай, и собирай заказы, и товар отслеживай, и накладные выбивай, и приходишь, и на складе товар собирай, а ты только крути баранку!?!»

- Я, когда надо, договариваюсь в самые важные моменты! – повысил накал и отец. – Или ты забыл, кто договаривался с пивзаводами, кто звонил в Краснодар во все фирмы!?!

- А кому еще было звонить туда!?! Кто бы из директоров стал разговаривать со мной с двадцатипятилетним пацаном!?! Никто! – развел руками я. – Там не было другого выхода кроме как тебе звонить, потому как ты взрослый мужик, с тобой элементарно бы стали общаться, а со мной нет! Вот и все! Если бы я был старше, я бы позвонил во все эти места сам! Кто нашел их!?! Кто нашел объявления!?!

Отец молчал. В воздухе явно ощущалась взаимная неприязнь. Со стороны отца я ощущал ее во всем: во взгляде, в интонации, в злобе, что вдруг выплеснулась наружу.

- Ты их нашел!?! Нет! – понесло меня. – Сколько ты поставщиков нашел!?! Назови! Молчишь!?! Правильно! А ни одного не нашел, вот и молчишь! И даже не пытался искать! Всех их нашел я!

- И что теперь!?! – процедил отец. – Надо будет, и еще найдешь! Я твой отец! Я тебя кормлю! А пока я тебя кормлю...

- Кто!?! Ты меня кормишь!?! – опешил я от услышанного. – Ты меня не кормишь! Я сам себе деньги зарабатываю! Я сам таскаю эти коробки и больше, чем ты таскаю!

- Помолчи! – рявкнул отец.

Я замолк. Мне казалось, я сплю и слышу все это во сне. Я смотрел на отца, хлопал глазами и беззвучно шевелил губами как выброшенная на берег рыба – не мог понять, зачем он говорит такое. Слова отца никак не вязались с тем образом, какой я видел в нем с детства – честного, педантичного и порядочного родителя, вызывавшего непререкаемый авторитет и уважение. Я слушал и не верил ушам своим. Отец грубо передергивал действительность под себя. Никогда прежде подобное не происходило. Да, мы ругались. Иногда, нечасто. Да и то, по каким-то мелочам. Сейчас же произошло нечто другое. Мы обозначили свою разность в видении совместной работы. Более того, отец явно искажал действительность. Случился нонсенс и прецедент одновременно. Я еще не осознал, но

что-то важное внутри моего сознания безвозвратно изменилось, и возникла горечь обиды. Обиды на неправду. Все прежнее время я работал самоотверженно, насколько хватало сил и умения. Я не делился – кто сделал больше из двоих, а кто меньше. Просто я точно знал, что сделано мною, а что отцом. И когда в пылу ссоры я озвучил степень своего участия, отец бесцеремонно превратил ее в ничто. Я смутно понимал, что так он повышает степень своего участия, а через нее и собственную значимость. Нечестный ход. Ранее ничего даже близкого отец себе никогда не позволял. Я задумался. То ли мое знание об отце оказалось неполным, то ли я столкнулся с чем-то новым в его характере. «Конкуренция? С кем!? Со мной, с собственным сыном!? Это же глупо». Я гнал неприятную мысль прочь. Примерил ее на себя. Думал ли я когда-либо так по отношению к отцу? Нет. Ведь мы семья и делаем одно общее дело. Надо уважать и ценить труд друг друга. Так меня сам отец и учил. «Но почему он сам не следует своим же понятиям?» Я запутался. На душе стало гадко.

- Умник тут нашелся! – продолжил отец. – Сел бы и покрутил руль! А то устроился удобно, за отцовской спиной! Отец, как дурак, крутит руль, возит его целыми днями, а он только сидит рядом и критикует! Вот когда будешь сам деньги зарабатывать, тогда рот и начнешь открывать! А пока заткнись и сиди молча, пока родители тебя кормят!

В кабине наступила мертвейшая тишина.

- Мы можем поменяться, - негромко произнес я.

Отец зыркнул на меня зло.

- Мы можем поменяться, - повторил я спокойным тоном. – Я буду крутить руль и таскать коробки наравне с тобой. А ты будешь созваниваться со всеми, собирать заказы, бегать с накладными, вести учет на компьютере, приходовать и выбивать накладные, расставлять и собирать товар на складе. Я – за. Мы можем поменяться.

Несколько секунд меня пристально изучал колючий взгляд.

- Не умничай! Сиди, работай! Что делал, то и будешь делать! – отец снова взялся за рычаг передач. – Куда едем!?

- Ты отлично знаешь, куда едем, - спокойно сказал я, уже с осознанным интересом наблюдая за отцом, изучая его реакции.

- Я еще раз спрашиваю – куда едем!? Я не собираюсь тут догадываться! – процедил он сквозь зубы.

- В «Арбалет», - едва улыбнулся я, хотелось засмеяться в голос, но я сдержался.

- Вот так лучше! – отец воткнул первую передачу и «газель» тронулась. – Умничают он тут, сидит! С девочками, с подружками своими будешь умничать.

Я не ответил, отвернулся к окну. Мне было о чем подумать.

Остаток дня прошел напряженно и в скудном общении. Я механически выполнил все, что делал всегда. В «Арбалете» я пошел в офис и продиктовал заказ менеджеру, тот выписал накладную. Я отнес ее на склад кладовщику, махнул отцу – подъезжай. «Газель» подкатила задом к рампе склада и затихла. Я расчехлил тент, нырнул в кузов. Кладовщик подвез полный поддон товара. Отец принялся подавать коробки, я принимал их в кузове и укладывал. После выехали в «Меркурий» и через полчаса были там. Еще полчаса ушло на написание накладной в кабине. Нудное занятие. Отец сидел, опершись локтями на руль, и курил. Я же писал накладную от руки, подложив под нее на колени папку и высчитывая все цены на карманном калькуляторе. Закончив с накладной, я пошел в офис, поднялся на второй этаж к Сене, тот выписал разрешение на разгрузку. С этой бумажкой я обошел все службы базы и вернулся к «газели». Отец сидел в кабине и дремал. Разбудив его, я пошел

на склад, занял очередь на выгрузку. Через полчаса предыдущая машина разгрузилась и освободила место. Отец подал «газель» к ленточному конвейеру, я снова расчехлил тент. Конвейер ожил, лента поползла вниз в подвальный склад бытовой химии. Я начал ставить на нее коробки, все подряд. За полчаса товар оказался в подвале. Еще десять минут сдачи мною товара кладовщику, и рабочий день закончен. Я прыгнул в теплую кабину «газели», и та повезла меня домой. Всю дорогу оба молчали. Я не знаю, о чем думал отец и думал ли, может он никогда ни о чем не думал, когда вел машину. Я думал.

До весеннего оживления в торговле оставалось переждать февраль. Месяц выдался солнечным и морозным, дни тянулись однообразно. В какой-то момент яркие лучи солнца вытеснили из кристальной голубизны неба холод, насытили цвет влагой и едва заметно стали пригревать. Утром 24 февраля я плелся на стоянку позади отца метрах в пятидесяти помня о том, что термометр за окном показывал «минус пятнадцать», и что впереди у нас очередной холодный рабочий день. Он таким и вышел. Я прискрипел к «газели», когда отец уже во всю обметал щеткой кабину от снега и при этом курил.

- Давай, я! – выкрикнул я и забрал у отца щетку. – Садись, заводи!

Тот глянул на сигарету, затянулся пару раз, откинул ее и полез в кабину. «Газель» завелась со второй попытки, зарычала громко, схватила холодного воздуха, но удержала обороты и заурчала тише. Работы предстояло много – три оптовых заказа и две накладные на киоски. Минут через сорок мы подкатили к складу. Масло в навесном замке примерзло, я с трудом провернул в нем ключ, со скрипом распахнул ворота и вошел внутрь. Насквозь промерзший к концу зимы, склад все равно создавал неуловимую иллюзию тепла и уюта. Подгоняемые холодом, мы принялись за работу сразу и, ни разу не передохнув, собрали и загрузили товар за час, заполнив кузов до отказа. Отец отогнал машину, я закрыл ворота и нырнул в уже почти остывшую кабину. Печка снова загудела на полную, силясь растопить иней, которым уже схватились все стекла. Я взял скребок и начал ей помогать.

Через сорок минут мы были у киосков.

- Скажи Надежде Петровне и Полине, что мы приехали, пусть приготовятся там, - бросил я отцу, выскочил наружу, расчехлил тент, откинул полог наверх, открыл задний борт, схватил ближнюю коробку и понес к киоскам. До них было метров пятнадцать, я нагнал отца у ближнего киоска Надежды Петровны, бухнул коробку на железный ящик, стоящий перед киоском как раз для таких целей, поздоровался с продавщицей и, сказав отцу: «Я буду носить, а ты помогай им разбирать приход!», пошел обратно.

Мороз не давал стоять ни секунды – я бегал с коробками от «газели» к киоскам, отец вынимал товар из коробок и подавал продавщицам, те рассовывали его по углам и полкам. Управились за полчаса и поехали по оптовым точкам.

В «Оптторге» румяная знакомая тучная кладовщица, завидев нас, рассмеялась.

- О! Такой мороз, а они работают! Толь! – обратилась она к отцу. – Ну, ладно мы, люди подневольные! Ну, а вы то чего!? Сидели бы дома! В такую погоду хозяин собаку на улицу не выгонит, а они прикатили!

- Ничего, ничего! – сказал я. – Работать надо, нечего дома жопу греть!

- Да это ты так миллионером скоро станешь! – рассмеялась та.

- А я и не против! – произнес я, открыл задний борт. – Стану миллионером, брошу все нафиг и уеду в теплую страну!

- Да чего ты там делать-то будешь!? – развела руками кладовщица.

- Да ничего не буду делать! – улыбнулся я, прыгнув в кузов. – Буду целыми днями в одних шортах и шлепанцах сидеть в кресле на веранде своего дома и смотреть на море!

- Давай! – махнула она рукой. – Подай, мечтатель!

Выгрузились. Кладовщица подписала накладные, я сбежал с ними в офис, поставил нужные отметки. На все про все ушло еще минут сорок. Поехали дальше. «Мангуст». Все, то же самое. Сбегав в офис, я получил на накладной в офисе визу на выгрузку, вернулся в «газель». Пропетляли меж складами и пристройками в дальний угол базы, остановились, я побежал искать и нашел знакомого кладовщика.

- Грузчиков нет! – сказал тот и махнул в сторону стоявшей рядом фуры. – Видишь! Мыло, двадцать тонн! А вон еще белизна стоит!

- И как нам быть? – задал я вопрос, ответ на который знал заранее.

- Если хочешь, выгружайте сами, - пожал плечами кладовщик.

Мы так и сделали и управились за полчаса. Едва закрыли борт, отдышались, отец закурил, я принялся зачехлять тент. На морозе он становился совсем негнущимся, дубел сразу. Через десять минут притрусил кладовщик, сунул мне подписанную накладную и побежал к выгружавшейся фуру. Отец докурил. Я нырнул в теплую кабину. Холодно.

- Куда теперь, «Арбалет»? – произнес отец.

- Да, там выгрузимся и загрузимся мылом для Сени и потом домой, - кивнул я и поёжился. Мороз уже начал проникать под одежду и забирать там тепло тела.

Двадцать минут, три светофора – и мы в «Арбалете». Отец притормозил у офиса, я выпрыгнул из кабины и побежал на второй этаж, попав там почти в зимний ботанический сад. В просторном помещении за столами, уставленными растениями в горшках и кадках, сидело с десятков менеджеров. Обстановка походила на санаторную. В неспешном режиме все занимались какими-то делами – один общался по телефону, другой копировал бумаги, большинство же сидело, уставившись в мониторы компьютеров. Флегматичный знакомый менеджер, размеренно кликая мышкой с резиновым выражением лица, играл. Илья сидел рядом и стеклянным взглядом наблюдал за происходящим на мониторе. Мой визит обоих вывел из ступора. Илья подписал накладную на разгрузку, и я побежал на улицу. «Газель» уже стояла у нужного склада. Я нашел кладовщика, тот был поддатый – торчать весь день на морозе, изредка заходя внутрь неотопливаемого склада, и не замерзнуть можно было только с помощью водки.

- Че привез? – глянул на меня кладовщик мутными глазами, услышал ответ, кивнул и ушел, вернулся с поддоном, швырнул его плашмя на пол, махнул мне. – Давай, подавай!

Я нырнул под тент и принялся метать наружу упаковку за упаковкой, радуясь тому, как в плечах зародилось спасительное тепло и потекло по телу. Закончили через полчаса.

- На ту сторону едь, мыло будем грузить, - сказал я отцу, спрыгнул с ramпы и снова пошел в офис. «Газель» покатила через весь двор к складу напротив. Забрав накладную у скучающего подле монитора менеджера, я вернулся на улицу, нашел кладовщика нужного склада и сунул ему документ. «Сейчас соберу», - буркнул тот и ушел.

Прошло минут десять, я начал было подмерзать, как, наконец, кладовщик выкатил поддон с товаром. «Хоть покидаю коробки, согреюсь», - обрадовался я и нырнул в кузов.

Управились за пятнадцать минут. Отец подавал снаружи, а я укладывал. Закончив, вернулся на ramпу, распрямился, спина натружено заныла.

- В «Меркурий»? – уточнил отец, едва я вслед за ним юркнул в кабину.

- В «Меркурий», - кивнул я.

Стекла изнутри успели подмерзнуть. Снова началась канитель со скребком. Отец вел машину, я очищал стекло. Полчаса и мы на месте. Внутренний двор базы был забит машинами, на выгрузку к ленте транспортера маячила очередь. Найдя свободное место, отец аккуратно вполз туда на «газели». Я выскочил из кабины.

- Ну что там? – произнес отец, едва я вернулся.

- Три машины перед нами, - сказал я, доставая чистые бланки, предстояла самая нудная часть работы – выписка накладной от руки. Два бланка, копировальный лист меж ними, калькулятор, ручка – я положил перед собой накладную из «Мангуста» и принялся писать свою. Отец глянул на мою возню и предложил помощь – принялся высчитывать на калькуляторе цены и сообщать мне. Он ткнул несколько раз в кнопки, экран калькулятора высветил цифру, отец замер.

- Черт, - выругался он тихо и отставил калькулятор дальше от глаз. У отца всегда было идеальное зрение. У меня же небольшая близорукость с середины школы. Она мне не мешала, но иногда я ощущал, что полноценное зрение – это здорово. В каком-то умном журнале я вычитал, что после сорока пяти глазное яблоко начинает усыхать, вместе с этим меняется и зрение. Нормальное уходит в дальнюю зоркость, а у близоруких острота зрения стремится к норме. Отец, услышав о статье, тогда посмеялся надо мною, а уже через год ощутил изменения и к своим пятидесяти двум годам уже не мог читать вблизи без очков.

Я глянул на отца. Тот отодвинул от себя калькулятор почти на вытянутую руку.

- Ничего не вижу, - буркнул он и нацепил очки на нос. – Еще раз, какая там цена?

Я терпеливо повторил. Отец стал тыкать в калькулятор заново, очень медленно и будто осторожно. Я ждал. Наконец, отец произнес итоговую цифру, которую я записал и тут же выдал следующую. Все повторилось так же старательно и так же медленно. Отец выдал итог расчета. Я записал и глянул на накладную, которую предстояло переписать – тридцать две позиции. Мы потратили около четырех минут на две из них. «Еще час писать цены в накладной, а после просчитывать построчно суммы и итог внизу? Нет уж, увольте! Так мы пропустим свою очередь точно». Я забрал калькулятор и принялся все делать сам. Отец подпер подбородок рукой и уставился сквозь лобовое стекло куда-то в одну точку.

Покончив с накладной за двадцать минут, я пошел к Сене. В шумном торговом зале народ сновал туда-сюда. Директор, бухгалтерия, служба сертификации – я обошел все эти кабинеты, пересек торговый зал и затопал по лестнице вверх. Дверь в кабинет Сени была открыта настежь. Оттуда неся его низкий голос, сообщавший с участием матерных слов телефонному собеседнику, что предлагаемая цена на сахар высока.

Минут через десять я вернулся в машину с визой Сени на «бегунке» и разрешением на получение денег, протянул бумажку отцу, произнес:

- На, держи! Сходи пока получи, наша очередь еще явно не скоро.

Минут двадцать я просидел один. От склада отъехала первая машина, на разгрузку встала следующая. Я глянул на часы – 17:20. «До шести не успеем, но до семи должны разгрузиться», - подумал я и почти задремал. Тут же вернулся отец.

- Получил? – буркнул я.

- Да, - сказал отец, полез за сигаретой, приоткрыл окно и снова закурил. Я глянул в сторону склада. Около транспортера крутилось подозрительно много людей.

- Что это там случилось? Пойду, схожу, – произнес я и вскоре вернулся.

- Что там? – сказал отец, едва я сел внутрь.

- Болт срезало, - выдал я зло, раздосадованный тем, что ремонт транспортера – это, со слов чинившего его рабочего, еще полчаса ожидания.

- Что за болт? – отец уставился на меня удивленно.

Я рассказал.

Отец выслушал и начал подробно рассказывать и доказывать, как неправильно устроена конструкция транспортера и как надо было сделать. Долго, подробно, занудно. Тут же жутко захотелось выйти из кабины. Но снаружи стоял сильный мороз.

- Пойду, посмотрю, что там и как, - не выдержал все-же я через минуту.

- Заканчиваю, минут через пять заработает! – ответил все тот же рабочий, усердно стучавший кувалдой по проблемному месту. К отцу возвращаться не хотелось, я поплелся в торговый зал. Потолкался там немного в тепле и среди толпящегося народа и вернулся к транспортеру. Тот уже во всю скрежетал, затягивая лентой в подвал коробки. Подмерзнув, я вернулся в «газель». Отец дремал. Я еще дважды подходил к транспортеру, в надежде, что вот-вот наступит наша очередь, но случилось это лишь в семь вечера. Солнце село, на город падала ночь. «Быстрее разгрузиться, и домой! Замерз как собака», - подумал я, едва «газель» подкатила к транспортеру. Тот закрутился, я открыл борт и принялся энергично набрасывать на ползущую в чрево склада ленту десятикилограммовые коробки с мылом. Выгрузились за полчаса. Еще десять минут я сдавал товар, после пошел в бухгалтерию, отметил накладную там. Выйдя из офиса базы я почувствовал облегчения от окончания долгого холодного рабочего дня и направился к машине.

- Все! – гаркнул я, сев в кабину. – Домой!

Отец завел не успевший остыть двигатель, мы выехали из «Меркурия» в 19:55 при свете фар в уже опустившуюся на город ночную темноту. Сорок минут езды до стоянки, пешком от нее домой еще десять. Шли устало, почти молча, но радостно. Вся работа была выполнена, ушел еще один зимний и очень морозный день. Борясь с проникшим под кожу холодом, я шел по тропинке сквозь поле снега и рисовал в голове ванну полную горячей воды. Даже при отсветах городских огней, небо щедро искрило яркими звездами. Поодаль труба котельной выпускала белый дым вертикально вверх. «Завтра будет еще холоднее, хорошо, что сегодня все отвезли, и розницу завезли, завтра отсидимся дома, а через день может и потеплеет», - обнадеживая себя, подумал я и вдруг понял, что весь день ничего не ел. Сразу же заныл желудок.

- Есть охота уже, - бросил я фразу в спину шедшего первым отца.

- И мне охота, - прозвучал ответ. – С утра все доели, но мать должна была сходить купить продуктов и приготовить что-нибудь. Я деньги оставлял ей.

«Скоро буду дома. Там тепло». Вошли в подъезд, уже тепло. Мы у лифта. Вроде бы шли от стоянки всего ничего, но у отца лицо снова красное. «У меня наверное такое же». Приехал лифт. Поднялись на нем на этаж. Отец нажал на звонок. За дверью послышались шаги. Дверь открылась. Мы устало вошли в квартиру. Мать молча повернулась и пошла прочь по коридору. Я принялся раздеваться, стараясь скорее скинуть холодную верхнюю одежду. Оставшись без нее, в теплых штанах и свитере я ощутил, как мелко трясусь всем телом, чувствуя холод внутри себя. Пальцы ног с трудом сгибались. Я промерз насквозь. «Скорей бы в ванну». Я принялся через свитер растирать плечи, и тепло медленно потекло по рукам. Отец снял пуховик, пошел на кухню, я следом. Думалось только о еде.

- Что там у нас есть поесть!?! – бодро произнес я.

Отец глянул на пустую плиту, бросил взгляд на стол. Я посмотрел туда же. Деньги на покупку продуктов лежали нетронутыми. Отец открыл холодильник, закрыл и пошел в дальнюю комнату. Я за ним. Отец распахнул дверь комнаты, замер и удивленно произнес:

- А ты что, не ходила за продуктами?

- Нет! – прозвучал грубый и резкий ответ.

Я глянул в комнату через плечо отца, мать сидела на диване и смотрела телевизор.

- А почему!? – недоуменно произнес отец.

- Не захотела!! – почти выкрикнула мать.

Я смотрел на ее лицо, вмиг ставшее злым и обострившимся.

- Ма, а чего ты ничего поесть не сготовила? – добавил я.

- Вам только жрать готовить, да стирать, да убирать за вами!!! – сорвалась мать, вскочила и ринулась из комнаты, в проеме двери грубо пихнула отца в грудь, прошипела «пусти», и ушла по коридору на кухню.

Я застыл в недоумении. Лицо отца вытянулось не меньше. Случилось нечто новое. Мы уже свыклись с регулярными срывами матери в наш адрес. После них она отходила, и обычная жизнь возобновлялась. Но, чтоб мать не приготовила ужин к нашему приходу с работы – такого не случалось.

Мы с отцом переглянулись. Я пошел на кухню, отец позади.

- Ма, ты чего это такое говоришь? – сказал я. – Мы есть ходим, весь день работали. Что не так?

- Все так!!! – закричала та, мечась в тесной кухне. Схватила стул, приподняла чуть от пола и с грохотом поставила обратно. – Вам все так!!! Только и знаете, что жрать давай вам!!! Нашли повариху себе!!! Берите, вон, и сами себе готовьте, стирайте, убирайте!!! Я не собираюсь больше на вас горбатиться!!!

Я ничего не понимал. Стоял и смотрел, как мать заламывает себе в истерике руки.

- Да что случилось? – раздался позади голос отца.

- Да ты вообще заткнись, нахер!!! – мать несло. – Бизмисмен херов!!! Вон, другие уже давно себе «мерседесы» понакупили, квартиры пообставили, а этот все зарабатывает, да никак не заработает!!! Деньги выдает по копейке, только чтоб мать жрачку купила!!! А потом стояла весь день у плиты!!! И стирала трусы ваши грязные!!! Ремонт в квартире не можем сделать уже который год!! Все денег нет!!

- Ма, да ты чего? – произнес я, растерявшийся в сюрреализме происходящего.

- И ты заткнись!!! – заорала та на меня. – Такой же хитрожопый, как и твой отец!!! Устроился рядом с папочкой любимым!!! Нашел теплое место!! Нет, чтоб идти работать, бегаешь за ним, ни хера не хочешь делать!!

Во мне все закипело. Злость, обида. Все смешалось. Я не понимал происходящего.

- Ну все! Заканчивай, давай! – не выдержал отец и вошел, обойдя меня, на кухню.

- Ты мне не «всекай»!!! – бешено заорала мать. – Понял!!! Ты!!! Козел!!!

Отец попытался взять ее под локоть. Мать вырвалась резким движением, ударила его в грудь кулаком, отпихнула и снова заорала: «Не трогай меня!!! А то я сейчас!!!»

Глаза матери, будто загнанно, шарили по кухне, ища, чтобы схватить. Отец сделал движение ей навстречу.

- Уйди от меня!!! – заголосила мать.

«Больная что ли...?», - мелькнуло в моей голове. Мать замахнулась на отца, тот отпрянул. Она кинулась к выходу, отпихнула меня в дверном проеме и убежала к себе.

- Что это с ней? – уставился я на отца.

- Эх, - отмахнулся тот, заиграв желваками.

Кривая неловкость повисла в воздухе.

- Ну, чего, придется самим варить себе ужин, - сказал я.

Отец шумно выдохнул, почесал в затылке, растерянно закричал.

- Да уж, - выдавил он. – Теперь придется, конечно.

Снова возникшая пауза гнетуще давила тишиной.

- Ладно! – сказал я. – Давай, я схожу в магазин, ты пока иди в ванну, грейся там. Я вернусь, ты чего-нибудь сготовишь, а я полезу в ванну как раз.

Отец согласился. Я взял деньги, неохотно натянул все еще прохладный пуховик и вышел. Снова холод. Мысли замерли. Я пошел в темноту, вжав лицо в воротник. Мысли разрывались между едой и горячей ванной. Есть хотелось нестерпимо, заныл желудок. Я попытался проанализировать случившееся, но не смог. Настроение тут же испортилось. Я постарался отвлечься. Покупки сделал машинально и вернулся домой. Разделся. Отец уже вышел из ванной комнаты, распаренный и довольный. Я шмыгнул на его место. Разделся. Руки и ноги покрылись «гусиной кожей». Пальцы на ногах были иссиня-зеленого цвета и почти ледяные. Я заткнул ванну пробкой, включил напор горячей воды и, не дожидаясь, когда наполнится ванна, юркнул в нее. Непередаваемое блаженство! Спина коснулась дна ванны, ее обнял тонкий слой горячей воды. Я старался вжаться в него как можно сильнее. Не помещаясь в ванне, ноги торчали синюшными коленками вверх. «Гусиная кожа» стала крупнее. Я закрыл глаза и откинул голову. Струя воды гулко била в дно ванны, вибрацией распространяя свою силу вокруг меня. Вода поднялась и закрыла уши, наступила тишина. Мерный гул и тепло обволокшей меня воды убаюкивали. Я задремал. Мне увиделось лето. «Всего несколько дней и весна, всего несколько дней и весна, всего несколько...».